

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО (по мотивам книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»)

© 2022 г. Ю. В. Грачёва^{1, *}, Г. А. Есаков^{2, **}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: uvgracheva@mail.ru

**E-mail: gesakov@gmail.com

Поступила в редакцию 16.03.2022

Аннотация. Статья основана на обзоре книги А.Н. Савенкова, посвящённой наследию Нюрнбергского процесса. Авторы статьи анализируют гл. 34 УК РФ, и в особенности ст. 354¹ на предмет их соответствия наследию Нюрнбергского процесса. Сформулирован вывод, что уголовное законодательство может быть усовершенствовано в этом отношении.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, геноцид, преступления против человечности, российское уголовное право, реабилитация нацизма.

Цитирование: Грачёва Ю.В., Есаков Г.А. Нюрнбергский процесс и современное уголовное право (по мотивам книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира») // Государство и право. 2022. № 4. С. 42–46.

DOI: 10.31857/S102694520019555-1

NUREMBERG TRIAL AND CONTEMPORARY CRIMINAL LAW (based on A.N. Savenkov “Nuremberg: A Verdict for name of Peace”)

© 2022 Yu. V. Gracheva^{1, *}, G. A. Esakov^{2, **}

¹HSE University, Moscow

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: uvgracheva@mail.ru

**E-mail: gesakov@gmail.com

Received 16.03.2022

Abstract. The article is based on the recent book written by A.N. Savenkov and devoted to legacy of Nuremberg trial. Authors analyze chapter 34 of the Russian Criminal Code and specifically its Article 354¹ on their consistency with the Nuremberg legacy. The conclusion is formulated, that criminal legislation may be improved here.

Key words: Nuremberg trial, genocide, crimes against humanity, Russian Criminal Law, rehabilitation of Nazism.

For citation: Gracheva, Yu. V., Esakov, G. A. (2022). Nuremberg trial and contemporary Criminal Law (based on A.N. Savenkov “Nuremberg: A Verdict for name of Peace”) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 42–46.

Наверное, по прошествии многих лет (и даже столетий) события 1939–1945 гг. будут восприниматься потомками так, как мы сейчас помним о событиях Отечественной войны 1812 г., польской интервенции начала XVII в. или татаро-монгольского ига XIII–XV вв., но сейчас ещё слишком живы раны — не стёрлись на местности окопы, стоят руины концлагерей, братские могилы щедро рассыпаны по нашей стране и далеко за её пределами. И поэтому Нюрнберг — это не просто красивый город в Германии, родина Альбрехта Дюрера и место проведения красивейшего в Западной Европе Christkindlesmarkt, но имя собственное, понятное юристу без дополнительного пояснения.

Иными словами, Нюрнберг — это родина современного международного уголовного права, ассоциирующийся для юриста прежде всего с залом 600 величественного здания Дворца правосудия на Фюртерштрассе, 110.

Монография А. Н. Савенкова погружает нас в этот мир, вводит в зал 600, который на несколько лет стал безусловным центром юридического мира. Но она не ограничивается только этими несколькими годами, напротив, автор обрисовывает всю сложную предысторию Нюрнберга, сопровождавшие его закулисные истории, последовавшие события. Всё это представляется читателю на богатейшем фактическом материале, который часто впервые вводится в научный оборот. И не будет преувеличением сказать, что книга читается «на одном дыхании», несмотря на её внушительный объём (760 с.). Поэтому российское юридическое сообщество можно поздравить с выходом такого глубокого фактологического исследования Нюрнбергского процесса, являющегося, по сути, первым масштабным исследованием на эту тему за всё время, прошедшее с момента процесса, включая советскую эпоху.

Размышляя на тему правового наследия Нюрнберга, поднятую А. Н. Савенковым, хотелось бы специально остановиться на двух моментах, *de lege ferenda* и *de lege lata*.

Автор монографии даёт весьма ёмкую и точную характеристику Приговора Нюрнбергского трибунала. По его словам, он «поставил войну вне закона на все времена», став образцом абсолютно мирного законодательства. Именно Нюрнберг лёг в основу положений действующего уголовного закона.

Как указывает А. Н. Савенков, «в конце ноября 1946 года А. Н. Трайнин, вернувшись в Институт права АН СССР, рассмотрел проект нового советского Уголовного кодекса и отметил “чрезвычайно важный” факт, что он включает специальный раздел “Международные преступления против мира и человечности”. Трайнин высоко оценил эту попытку внедрить в советское законодательство “те

идеи международного уголовного правосудия, которые нашли выражение в Нюрнбергском процессе”, заявив, что советский уголовный кодекс будет первым в мире, включающим эти новые “нормы международного права”».

К сожалению, эта идея была реализована только при подготовке действующего Уголовного кодекса РФ.

Как известно, ещё до Нюрнберга, во время Великой Отечественной войны, был принят законодательный акт, который в первый и единственный раз криминализировал в российском уголовном праве прообраз преступлений против человечности. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» предусмотрел уголовную ответственность в виде публичной смертной казни через повешение: «Немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличённые в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение» (ст. 10). Статья 2 Указа устанавливала, что «пособники из местного населения, уличённые в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет». УК РСФСР 1960 г. расширил круг уголовно наказуемых деяний за счёт криминализации пропаганды войны (ст. 71). Это даже отдалённо не напоминает реализацию идеи А. Н. Трайнина о специальном разделе в Кодексе — «Международные преступления против мира и человечности».

В 1996 г. в Уголовном кодексе РФ появилась гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества». Однако даже она не в полной мере соответствует правовому наследию Нюрнберга.

Наиболее очевидный пробел здесь — это, конечно же, отсутствие криминализации преступлений против человечности. Наказуемость такого рода деяний образует норму обычного международного права. Как минимум, обычно-правовой характер установления уголовной ответственности за преступления против человечности можно проследить начиная с Нюрнбергских принципов 1946 г. (принцип VI); впоследствии это было подтверждено преамбулой и ст. I Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. Кроме ст. 358 УК РФ (и то очень условно) говорить о преступлениях против человечности в действующем уголовном законе

невозможно. Конечно же, можно утверждать, что преступления против человечности фактически охватываются нормами «обычного» уголовного права (о преступлениях против жизни и здоровья — гл. 16 УК РФ, против собственности — гл. 21 УК РФ; и др.). Вместе с тем меры наказания в «обычном» уголовном праве не соответствуют тяжести этого деяния; составы преступлений в «обычном» уголовном праве предположительно в значительной степени пробельны: например, не криминализированы такие разновидности преступлений против человечности, как создание условий жизни, рассчитанных на причинение смерти, обращение в сексуальное рабство, совершение действий, влекущих принудительную беременность, апартеид.

Отсутствует в нашем законодательстве и наказуемость публичных призывов к геноциду (если следовать ст. III(c) Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. в её современном понимании, то «прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида», кроме собственно подстрекательства в смысле ч. 4 ст. 33 УК РФ, включает ещё и публичные призывы в терминологии действующего уголовного закона), хотя к криминализации этих действий призывал ещё А.Н. Трайнин при подготовке Конвенции 1948 г.¹

Даже ст. 356 УК РФ, прямое наследие Нюрнберга, устанавливающая ответственность за применение запрещённых средств и методов ведения войны, менее многословна в сравнении со ст. 6(b) Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Российскому законодателю в рамках ст. 356 УК РФ удалось сделать то, что не удавалось сделать никому до того и после: «втиснуть» все должные быть уголовно наказуемыми нарушения четырёх Женевских конвенций 1949 г., Дополнительного протокола I 1977 г., других международных договоров и обычного международного права в единый состав преступления. Соответственно, перечень претензий к ст. 356 УК РФ бесконечен: смешение «гаагского» и «женевского» права, упущение из виду обычного международного права, пробелы или, наоборот, сверххват в криминализации, неразличение международного и немеждународного вооружённого конфликта и т.д. При этом санкция ст. 356 УК РФ предусматривает наказание от двух месяцев до двадцати лет лишения свободы. В части такой свободы судебного усмотрения при назначении основного вида наказания это единственная норма в Уголовном кодексе РФ. Соответственно, даже оставляя в стороне вопросы квалификации по совокупности преступлений, хищение чужого имущества

во время вооружённого конфликта, умышленные уничтожение или повреждение такого имущества (охватываемые одной из альтернатив в действующей редакции ст. 356 УК РФ) могут быть наказаны столь же строго, как и, например, истязание, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, биологические или иные эксперименты (также охватываемые одной из альтернатив в действующей редакции ст. 356 УК РФ), хотя очевидно не совпадают с указанными действиями по характеру общественной опасности и в любом случае намного строже, чем соответствующие «обычные» преступления. Между тем надлежашая дифференциация уголовной ответственности в зависимости от общественной опасности деяния и порождённых им последствий есть отражение конституционных принципов равенства и справедливости.

Таким образом, мы ещё, говоря словами А.Н. Савенкова, далеки от введения в России законодательства, вдохновлённого Нюрнбергом.

Переходя теперь к моменту *de lege lata*, хотелось бы обратить внимание на ст. 354¹ УК РФ. Эта статья, помимо прочего, предусматривает уголовную ответственность за отрицание фактов, установленных Приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным Приговором. Таким образом, Приговор с точки зрения уголовного законодательства является бланкетным по своей природе признаком состава преступления. В его оригинальном виде, как пишет А.Н. Савенков, он «был воспроизведен на 283 страницах бумаги формата Legal с оглавлением, а также помещен вместе с предложениями на страницах с 16794 по 17077 ежедневного протокола судебного заседания. Первое упоминается как “Judgment”, а второе — как “Record”». В России он неоднократно воспроизводился².

Соответственно, являясь основой для установления соответствующего признака состава преступления, Приговор должен быть как минимум официально опубликован (естественно, в русскоязычной версии), чего не сделано вплоть до сегодняшнего времени³. Не секрет, что многие

² Текст Приговора помещён в книге А.Н. Савенкова. См. также: Нюрнбергский процесс: сб. материалов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1954. Т. II. С. 943–1108; Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. / отв. ред. Н.С. Лебедева. М., 1999. Т. 8. С. 561–740.

Однако текста Приговора нет, например, в СПС «КонсультантПлюс».

³ Суды при рассмотрении уголовных дел ссылаются, например, на протокол осмотра копии Приговора МВТ от 01.10.1946 г., представленную ФКУ «Государственный архив Российской Федерации» (см.: Апелляционный приговор Пятюго апелляционного суда общей юрисдикции от 29.09.2021 г. по делу № 55-618/2021).

¹ См.: Трайнин А.Н. Борьба с геноцидом как международным преступлением // Сов. государство и право. 1948. № 5. С. 1–16.

подсудимые по ст. 354¹ УК РФ утверждают в своё оправдание, что они были незнакомы с теми или иными фактами из Приговора, и если в отношении каких-либо действительно общеизвестных фактов этот довод опровергнуть нетрудно ввиду абсурдности соответствующего утверждения⁴, то как быть с незначительными фактическими эпизодами, установленными Приговором Трибунала? Как минимум, официальная публикация Приговора не помешала бы простому отклонению ссылок на неумышленность действий в части неосведомлённости о фактах⁵.

Неопределённым также является статус Приговора в современной правовой системе России.

⁴ Например, из того же апелляционного приговора Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 29.09.2021 г. по делу № 55-618/2021: «Пояснения Б. в суде первой инстанции о размещении им фотоизображения карикатурного вида, предположительно А. Гитлера, а также о его неосведомлённости о признании приговором МВТ преступной деятельности А. Гитлера судебная коллегия признает несостоятельными, поскольку сведения об А. Гитлере, включая его внешность, деятельность и причастность к совершённым преступлениям в период Великой Отечественной войны, являются общеизвестными фактами».

⁵ Верховный Суд РФ полагает, что принцип *ignorantia iuris neminem excusat* соблюден в связи с приговором Трибунала: «Доводы о том, что Лузгин специально не ознакомился с текстом приговора Международного военного трибунала, не содержат оснований, свидетельствующих о необоснованности приговора. В соответствии с общеправовым принципом «незнание закона не освобождает от ответственности» осуждённый не вправе ссылаться на незнание уголовно-правового запрета оспаривать выводы Международного военного трибунала. Кроме того, выводы Международного военного трибунала об ответственности гитлеровской Германии за развязывание Второй мировой войны содержат общеизвестные факты, которые изучаются в учебных курсах истории в рамках среднего обязательного образования, аттестат о получении которого Лузгиным имеется в материалах дела, что суд обоснованно учел в приговоре, а кроме того, данные факты широко представлены в информационном пространстве, включая средства массовой информации, поэтому доводы о неосведомлённости осуждённого в указанных вопросах Судебная коллегия признает несостоятельными. Поэтому ссылка на незнание осуждённым выводов Международного военного трибунала не имеет значения для наступления уголовной ответственности» (см.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.09.2016 по делу № 44-АПУ16-17).

Соглашаясь с Верховным Судом РФ в части довода о том, что «осуждённый не вправе ссылаться на незнание уголовно-правового запрета оспаривать выводы Международного военного трибунала», отметим, что об общеизвестности именно всех фактов из Приговора Трибунала утверждать поспешно. Это лишний раз подчёркивает, к слову, необходимость углублённого изучения Нюрнбергского процесса.

Конечно, можно утверждать, что он как отражение общепризнанных принципов и норм международного права является составной частью правовой системы России в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Однако, насколько верен такой тезис в приложении ко всему Приговору (например, к его фактологической части)? И наконец, является ли уголовно наказуемым отрицание фактов, установленных в Особом мнении члена Трибунала от СССР И.Т. Никитченко?⁶

* * *

Ответы на все эти вопросы и много других ещё необходимо дать, глубже изучая историю и значение Нюрнбергского процесса. И поэтому книга члена-корр. РАН А.Н. Савенкова, безусловно, — крупный шаг в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нюрнбергский процесс: сб. материалов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1954. Т. II. С. 943—1108.
2. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. / отв. ред. Н.С. Лебедева. М., 1999. Т. 8. С. 561—740.
3. Пестерева Ю.С., Пошелов П.В. К вопросу о юридических дефектах статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юрид. академии. 2017. № 3. С. 50.
4. Трайнин А.Н. Борьба с геноцидом как международным преступлением // Сов. государство и право. 1948. № 5. С. 1—16.

REFERENCES

1. Nuremberg trial: collection of materials. 2nd ed. M., 1954. Vol. II (in Russ.).
2. Nuremberg trial: collection of materials: in 8 vols. / res. ed. N.S. Lebedeva. M., 1999. Vol. 8 (in Russ.).
3. Pestereva Yu. S., Poshelov P. V. On legal defects of Art. 354.1 of the Russian Criminal Code // Herald of Omsk Law Academy. 2017. No. 3. P. 47—51.
4. Trainin A. N. The fight with genocide as international crime // Soviet State and Law. 1948. No. 5. P. 1—16.

⁶ См.: Пестерева Ю.С., Пошелов П.В. К вопросу о юридических дефектах статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юрид. академии. 2017. № 3. С. 50.

Сведения об авторах**ГРАЧЁВА Юлия Викторовна —**

доктор юридических наук, профессор
департамента систем судопроизводства
и уголовного права факультета права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ЕСАКОВ Геннадий Александрович —

доктор юридических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии Института
государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information**GRACHEVA Yulia V. —**

Doctor in Law, Professor, Department of Courts'
Systems and Criminal Law, Law School,
HSE University; 20 Myasnitskaya str.,
101000 Moscow, Russia

ESAKOV Gennady A. —

Doctor in Law, Professor, leading researcher,
Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and
Criminology, Institute of State and Law of the
Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia